

В.М. Безотосный
V. M. Bezotosny

СОВЕТ В ФИЛЯХ

THE COUNCIL IN FILI

В статье рассматривается проблематика хрестоматийного Военного совета в Филях как столкновение и борьба мнений генералитета с привлечением данных из историографии. Прослежены мнения о решении Совета участников и современников. Выявлено влияние оставления Москвы на дальнейшие планы русского командования на второй период войны.

The article examines the problematics of wellknown Military Council in Fili as the collision and struggle of opinions in the General officer core using historiography data. The decisions of the Council are shown through the opinions of the representatives and contemporaries as well. The influence of leaving Moscow without fight on the further plans of Russian command during the second period of war is also revealed.

Ключевые слова: Филя, Кутузов, Барклай де Толли, Беннигсен, Растропчин, пожар Москвы, Наполеон, Александр I, русское общество, Петербургский план

Key words : Fili, Kutuzov, Barclay de Tolly, Bennigsen, Rostopchin, the fire of Moscow, Napoleon, Alexander I, russian society, Petersburg plan

После кровопролитного сражения при Бородино главным вопросом для русской и французской армий стала проблема Москвы. Для Наполеона древняя столица была нужна как доказательство победы при Бородино и как крупный козырь в переговорах для заключения мира. Он не знал, будет ли Кутузов давать еще одно сражение за бывшую столицу. Но в то же время он пытался фланговыми движениями 4-го и 5-го армейских корпусов, продвигавшихся параллельно главной дороге, и давлением с фронта авангардом Мюрата, вытеснить русскую армию со Смоленской (большой) дороги и без боя войти в Москву.

Кутузов отдавал себе отчет в том, что Наполеона в Москву толкает военно-политическая необходимость, но он также понимал, что слишком многое поставлено на карту после Бородина, и от него будут требовать

дать повторное сражение под стенами Москвы. Его переписка с различными лицами в этот период свидетельствует, что он отнюдь не исключал еще одно сражение за столицу, (как писал об этом: «дело идет о спасении Москвы») и готовился к нему¹. Еще 30 августа 1812 г., находясь в Вяземах главнокомандующий сообщил московскому генерал-губернатору Ф.В. Ростопчину, что отправил генерала Л.Л. Беннигсена «назад приискать место, где бы удобнее дать баталию»², а затем дал задание ему же найти позицию непосредственно перед Москвой, что тот вместе с офицерами квартирмейстерской службы и сделал. Но Кутузова не могли не тревожить недостаток свежих резервов и малое количество войск (численный перевес был явно у французов), а также сведения об угрозе обхода противника с флангов (со стороны Рузы на Звенигород и через Верею)³. Это заставляло его колебаться в принятии окончательного решения. Кроме того у многих военачальников (М.Б. Баркляя де Толли, А.П. Ермолова, К.Ф. Толя) возникли обоснованные возражения по поводу выбранной невыгодной позиции под Москвой. Собственно эти сомнения дали повод и заставили Кутузова собрать Военный совет в Филях, где решалась судьба Москвы 1 (13) сентября.

По поводу проведения этого хрестоматийного Совета до сих пор у исследователей возникает много вопросов, на которые желательно найти ответы. Хорошо известно, что протокола Военного Совета не велось. Затруднительно даже назвать точное поименное число военачальников, принимавших в нем участие. Например, В.П. Тотфалушин, рассмотревший и давший критический свод данных совещающихся в Филях, указывал, что в литературе фигурировали цифры от 7 до 13 человек⁴. Если говорить об официальных источниках, то сохранилась только выписка на 1 сентября 1812 г. из Журнала военных действий, где, помимо краткого описания хода генеральской полемики и принятия конечного решения о сдаче столицы, был приведен пофамильный список участников (из 8 человек – М.И. Кутузов, Л.Л. Беннигсен, М.Б. Барклай де Толли, Д.С. Дохтуров, П.П. Коновницын, А.И. Остерман-Толстой, А.П. Ермолов, К.Ф. Толь)⁵. В мемуарной литературе укзывалось разное количество участников, современники этого события кого-то пропускали, а кого-то добавляли. В частности в литературе фигурируют также дополнительно следующие персоны: Н.Н. Раевский, Ф.П. Уваров, М.И. Платов («которого забыли звать»)⁶, В.С. Ланской⁷, П.С. Кайсаров. По поводу двух последних большинство исследователей высказывают сомнения в их нахождении при обсуждении вопросов, поставленных

на Совете. К примеру, Кайсаров присутствовал на заседании, видимо в силу занимаемой должности, лишь на страницах романа Л. Толстого «Война и мир», но литературное произведение не может считаться источником. Вполне объяснимо почему не участвовал полный генерал М.А. Милорадович, он руководил действиями арьергарда и не мог отлучиться. Не совсем ясны причины отсутствия на Военном совете начальника 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута, имевшего репутацию боевого военачальника, а также генерал-лейтенанта М.М. Бороздина, временно командовавшего 2-й Западной армией и генерал-квартирмейстера объединенных армий генерал-майора М.С. Вистицкого.

Поскольку протокол не велся (и позже не составлялся), очень трудно проследить саму полемику и личную позицию отдельных военачальников. До нас дошли лишь воспоминания участников и свидетелей события, или записи, сделанные с их слов. Например, Барклай в своем опровержительном «Изображении военных действий 1812 года» привел, помимо Кутузова и Беннигсена лишь фамилии трех генералов-участников (Остермана, Раевского, Коновницына), по его словам, подавших как и он свой голос за оставление Москвы, о Толе он лишь упомянул как о присутствовавшем при его разговоре с Кутузовым перед Советом в Филях⁸. Ф.В. Ростопчин считал, что Кутузов «собрал военный совет из 8-ми или 9-ти генералов»⁹. Наиболее полны в этом отношении (описание деталей хода Военного совета) мемуарные свидетельства Л.Л. Беннигсена и А.П. Ермолова. Причем на французском языке сохранился и опубликован мемуарный фрагмент из писем Беннигсена только с заголовком на русском языке «Выписка из постановлений Военного совета 1 сентября 1812 года»¹⁰. Так, вот среди участников Совета в Филях Беннигсен, кроме прочих, назвал Раевского, Уварова, Платова, но даже не упомянул, вероятно вполне умышленно, полковника Толя (думается не только в силу отсутствия у него генеральского чина)¹¹. В воспоминаниях адъютанта Барклая В.И. Левенштерна был приведен перечень участников совета: Беннигсен, Барклай, Дохтуров, Остерман, Коновницын, Ермолов, Толь¹². Не включил Толя в состав участников в своих записках и Ермолов, но перечислил помимо главных лиц фамилии Дохтурова, Уварова, Остермана-Толстого, Коновницына и Раевского¹³, как тогда находившихся в избе крестьянина М. Фролова. Кроме того начальник штаба 1-й Западной армии подробно описал предысторию Военного совета, а также повод к его проведению – личное обращение Барклая вместе с Ермоловым

к Кутузову. Он обосновал и версию о реакции главнокомандующего на высказанное мнение Барклая о необходимости оставления столицы («Князь Кутузов, внимательно выслушав, не мог скрыть восхищения своего, что не ему присвоена будет мысль об отступлении, приказал к восьми часам вечера созвать гг. генералов на совет»)¹⁴.

Именно там, во время исторического военного совета имело место первое крупное столкновение генеральских амбиций на профессиональной почве после назначения Кутузова. Причем, национальный аспект, столь зримый еще совсем недавно под Смоленском, вообще не имел места, хотя именно «немцы» играли все первые роли. Парадоксальный факт: в выборе позиции на Воробьевых горах принимал участие К.Ф. Толь, а главными спорщиками-оппонентами по уже неоднократно поднимавшемуся вопросу еще до оставления Москвы («сражаться или отступить») стали Барклай и Беннигсен. Генералы с русскими фамилиями как будто забыли о своей этнической принадлежности, и в весьма драматической ситуации вынуждены были присоединиться к одной из точек зрения, высказанной «немцами». Лишившись (лидера) П.И. Багратиона в Бородинской битве, «русская» партия уже не могла выступать консолидировано. Ее представителям, в отличии от событий под Смоленском, не удалось даже внятно сформулировать свое понимание ситуации и дать свои предложения. В большинстве своем они (допущенные на совет) поддержали мнение Беннигсена о необходимости атаковать противника.

Разберем подробнее суть генеральских споров и полемику сторон. Все участники заседания приняли критику выбранной позиции для нового генерального сражения и, признав ее невыгодной, согласились, что нельзя армию ставить в такое положение. Первым, кто высказался за оставление Москвы, был Барклай («объявил, что для спасения отечества главным предметом было сохранение армии»)¹⁵, уверяя, что и император «без сомнения одобрит подобную меру». В противовес этому мнению выступил Беннигсен, указывая на многие негативные последствия сдачи «первопрестольной». Как альтернативу он «предложил в течении ночи перевести все наши войска на правый фланг и двинуться навстречу неприятеля» и при этом высказал уверенность, что «мы, без сомнения, его опрокинем, и тогда сделанные им движения для обхода наших флангов, не только останутся без последствий, но посланные для этого отряды принуждены будут в возможной скорости отступить...»¹⁶. Мемуаристы отмечают, что в основном говорили на Совете только Барклай и Беннигсен и каждый из них высказал свое

предложение. Вероятно, в большинстве своем, генералы были склонны поддержать мнение Беннигсена о необходимости нового генерального сражения. Но сама личность Беннигсена вызывала у многих участников раздражение. Особенно резко выступил на совете против выходца из Ганновера А.И. Остерман-Толстой, имевший родственные связи с М.И. Кутузовым¹⁷. И эти обстоятельства (кроме здравого смысла) не позволили объединиться и выступить организованно против мнения Барклая об отступлении.

Бывшие сторонники «русской» партии колебались и, видимо, находились в растерянности. К примеру, деятельный Ермолов, сначала выступил критиком избранной под Москвой позиции, а затем поддержал мнение Беннигсена об атаке противника. Позднее в своих записках, он попытался найти слабое оправдание своих поступков: «Не решился я, как офицер, не довольно еще известный, страшась обвинения соотечественников, дать согласие на оставление Москвы и, не защищая мнения моего, вполне неосновательного, предложил атаковать неприятеля»¹⁸. В.П. Тотфалушин, попытавшийся на основе имеющихся источников хотя бы приблизительно суммировать голоса «за» и «против» отступления (при неясности состава участников), пришел к следующему выводу о результатах голосования: «Голоса разделились примерно поровну, хотя и с некоторым перевесом в пользу сторонников сражения»¹⁹.

Кутузов как мудрый политик, инициировавший обмен генеральских мнений, занял самую удобную в тех обстоятельствах позицию. Он встал над схваткой и в конце совещания выступил в роли судьи с заключительным вердиктом о неизбежном оставлении Москвы. Необходимость сдачи столицы диктовалась обстановкой и Кутузов фактически продолжил тактику, проводимую Барклаем. Интересно отметить, что аргументация Барклая и Кутузова была схожа с мыслями, высказанными в записке перед войной аналитиком русской разведки П.А. Чуйкевичем²⁰. Прочитируем слова, приписываемые Кутузову: «С потеряннием Москвы не потеряна еще Россия и что первую обязанностью поставляет он сберечь армию, сблизиться к тем войскам, которые идут к ней на подкрепление, и самым уступлением Москвы приготовить неизбежную гибель неприятелю...». После оставления Москвы 4 сентября Кутузов писал Александру I: «Пока армия... цела и подвижна известною храбростию и нашим усердием, дотоле еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества»²¹. 2 (14) сентября российская армия оставила город, в тот же день в него вступили части Великой армии.

Вот как сам Кутузов, находясь в деревне Жилино, 4 сентября очень кратко описал императору сам Военный совет в Филях: «В таком крайне сумнительном положении, по совещании с первенствующими нашими генералами, из которых некоторые были противного мнения, должен был я решиться попустить неприятеля взойти в Москву... Осмеливаюсь всеподданнейше донести вам, всемилостивейший государь, что вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России. Напротив...». В этом же письме была помещена фраза о том, что «последствия сии нераздельно связаны с потерю Смоленска»²².

Военный совет состоялся 1 сентября, а императору Кутузов написал лишь 4 сентября о сдаче Москвы, при этом особо не освещая ход обсуждения этого важнейшего вопроса с генералами. Причем Александр I узнал о том, что Москва оставлена отнюдь не из рапорта главнокомандующего, а из письма Ростопчина, сразу сообщившего об этом в Петербург. Поэтому 7 сентября он отправил в армию своего доверенного генерал-адъютанта князя П.М. Волконского и потребовал подробного объяснения причин побудивших «к толь несчастной решимости»²³. Еще позднее 10 сентября вышло постановление Комитета министров, подписанное 14 высшими сановниками, о необходимости дать указание М.И. Кутузову о предоставлении протокола состоявшегося Военного совета²⁴. Но насколько известно, даже задним числом протокол так и не был составлен.

Многие генералы – участники совета – впоследствии сильно переживали «уступление» Москвы, сетовали, оправдывались, или находились в подавленном состоянии. Гостивший у П.П. Коновницына в начале 1813 г. А.И. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Редкий день проходил без того, чтобы он не упоминал мне о сем обстоятельстве, присовокупляя каждый раз: «Я не подавал голоса к сдаче Москвы и в военном совете предложил идти на неприятеля»²⁵. Д.С. Дохтуров по горячим следам в письме к жене 3 сентября писал: «...я в отчаянии, что оставляют Москву. Какой ужас!.. Какой стыд для русских покинуть отчизну без малейшего ружейного выстрела и без боя. Я взбешен, но что же делать?...Какой позор! Теперь я уверен, что все кончено, и в таком случае ничто не может удержать на службе; после всех неприятностей, трудов, дурного обращения и беспорядков, допущенных по слабости начальников, после всего этого ничто не заставит меня служить; – я возмущен всем, что творится!...»²⁶. Генерал-лейтенант М.М. Бороздин, командир 8-го пехотного корпуса и временно командовавший после ране-

ния Багратиона 2-й Западной армией, по словам С.И. Маевского, узнав об оставлении Москвы, «решительно почел приказ сей изменническим и не трогался с места до тех пор, пока не приехал на смену его генерал Доктуров»²⁷.

В противоположность этому, Ф.В. Ростопчин, позже (задним числом) в своих мемуарах написал, что Кутузов «оказал мне большую услугу, не пригласив меня на неожиданный Военный совет; потому что я тоже высказался за отступление, а он стал бы впоследствии ссылаться на мое мнение, для оправдания себя от нареканий за отдачу Москвы». При этом московский главнокомандующий, добавил, что на военный совет в Филях не были приглашены родственники императора, находившиеся при армии, герцоги генерал от инфантерии А. Вюртембергский и генерал-лейтенант герцог П.Ф.А. Ольденбургский, оба настаивали на необходимости дать сражение, но их после совета не пустили к Кутузову, поскольку тот уже спал²⁸. Вероятно, Кутузов, предполагал бесполезность нахождения во время совета Ростопчина, его военный опыт был минимальный («безумный Федька», как его ранее прозвали, в чине капитан-поручика участвовал только в войне с турками); А. Вюртембергский не имел в России репутации боевого генерала, а у 29-ти летнего герцога П. Ольденбургского вообще отсутствовал боевой опыт. Для решения основополагающего вопроса на совет Кутузовым были приглашены только генералы-практики. Вероятно, решение о сдаче столицы в голове у Кутузова уже созрело, поэтому и не был приглашен на совет Ростопчин, поскольку главнокомандующий не хотел еще раз встречаться и объясняться с ним.

Что же касается Барклая, то он никогда не скрывал своего мнения. Так уже после оставления армии в письме к жене от 1(13) октября 1812 г. он писал: «Ты хочешь знать, правда ли то, что я выступал за оставление Москвы. – Да! – и я надеялся благодаря этому спасти армию, а с ней – государство, ибо благодаря руководству генерала Бенигсена армия оказалась бы под Москвой в такой позиции, что наверняка была бы не просто разгромлена, а полностью уничтожена. Нет никакого сомнения в том, что правильнее было оставить Москву и спасти армию, ибо поскольку существует последняя, существует и государство, но если погибла бы армия, то с ней погибла бы и Россия... Наполеон вскоре сам должен либо отступить либо он окажется в опасности более не вернуться назад, разумеется при полной нерешительности и бездеятельности наших знаменитых полководцев»²⁹.

Сам Кутузов в письме к Д.П. Трощинскому 28 октября 1812 г. следующими словами описывал причины сдачи без боя бывшей столицы: «Тягостно мне было оставлять Москву, но и дать сражение находил я, в случае неудачи, неразлучным, может быть, с окончанием капании, — почему предпочел оставить ее...»³⁰.

В данном случае стоит согласиться с рассуждениями К. Клаузевица о мужестве на войне, которое может быть двух родов: «во-первых мужество в отношении личной опасности, а во-вторых мужество в отношении ответственности перед судом какой-нибудь внешней власти, или же внутренней — совести»³¹. В этой драматической ситуации высшее гражданское мужество проявил и Барклай в течении всего первого периода войны, и, безусловно, Кутузов, принявший окончательное решение о сдаче Москвы. И прав оказался тот же К. Клаузевиц, который считал: «часто именно в сердце своей страны обороняющийся может оказаться всего сильнее, когда сила наступления противника уже истощится, а оборона с невероятной мощью вдруг перейдет в наступление»³². В конечном итоге спасла Россию духовная способность русских полководцев на самопожертвование — «мужественное» поведение Барклая де Толли и «мужественный» шаг Кутузова, оба не убоялись недружественной молвы и потери репутации.

Отдачи без боя Москвы французам никак не ожидало дворянское общество (только верховная власть в лице императора была морально готова к такому повороту), оно не желало примириться с позорным для национального самолюбия решением. Новый взрыв общественного недовольства уже был направлен против Кутузова и московского главнокомандующего Ф.В. Ростопчина, а в тот момент также возникло недоверие к правительственным кругам.

В стане же Наполеона царило приподнятое настроение. Французские мемуаристы свидетельствуют, что солдаты Великой армии надеялись обрести, как им обещали мир в Москве, так как конечная цель похода была достигнута. Наполеон также был уверен, что после оставления столицы русские пойдут на мирные переговоры. Французы вступили в Москву, но эвакуация города произвела тяжелое впечатление на императора и армию. Однако еще большее воздействие было от московского пожара. Тема причины знаменитого пожара, как ни парадоксально, в какой-то степени до сих пор остается дискуссионной. Встречаются еще историки, полагающие, что именно Наполеон сжег Москву в 1812 году. Другой вопрос, что такой тезис лишен элементарной логики

и имеет откровенную цель обвинить французского императора во всех тяжких грехах. Наполеон, войдя в Москву и даже будучи «кровожадным злодеем», безусловно, не был заинтересован в подобном пожаре. Целая, несожженная «белокаменная» столица ему была нужна с политической точки зрения. Да и чисто военная целесообразность отнюдь не диктовала подобной крайней меры. Наоборот, какой главнокомандующий для места расположения своих главных сил выбрал бы пепелище, да еще им самим подготовленное? Возникновение пожара оказалось для Наполеона неожиданным, именно он вынужден был организовать борьбу с огнем, да и в итоге Великая армия значительно пострадала от последствий пожара.

Кутузову в это время было крайне важно оторваться от Великой армии. И в этом ему очень помог пожар Москвы. Справедливости ради укажем, что отступающие русские войска предавали огню и разорению все оставляемые противнику деревни и города. Например, А.И. Михайловский-Данилевский, вспоминая отход армии, когда «каждый день ознаменован был пожарами», писал: «Мы не помним ни одного вечера, в который бы не видели по захождении солнца зарева зажженных городов и селений. Помещики, находясь часто в числе военных, взирали издали на истребление наследия предков своих или вотчин, полученных ими в награду службы»³³. Не вдаваясь в подробности причин пожара Москвы и основываясь на работе И.И. Полосина³⁴, исследовавшего хронологию и географию пожара, укажем, что в основном горели южные районы города. Фактически это дало возможность задержать Наполеона у города, а Кутузову совершить знаменитый тарутинский марш-маневр. Собственно о маршруте дальнейшего отступления разгорелся спор еще на военном совете в Филях. Но Кутузов выбрал сначала Рязанскую дорогу, а затем, используя демонстративное движение части русской кавалерии к Бронницам, скрытно перешел на Калужскую дорогу. После флангового марша все дороги, кроме Можайской, Кутузов блокировал уже собранными ополченскими частями. Новое расположение русской армии само по себе таило угрозу коммуникационной линии Великой армии. Как написал своей жене Д.С. Дохтуров: «Вчера перешли на старую Калужскую дорогу и загородили соединение неприятеля с Смоленском; это самый лучший маневр, что мы могли сделать после всех глупостей и нерешимостей начальников наших. Дай Боже, чтоб они сделались благоразумнее и пользовались выгодами, которые злодей наш им кладет в рот»³⁵.

Ложные движения казачьих частей поставили в тупик Мюрата, не ведавшего о направлении отступления Кутузова. Он на несколько дней потерял русскую армию из виду. Оценивая маневр Кутузова к Тарутину, Наполеон считал, что «противник направился к Киевской дороге, его цель очевидна: получить в подкрепление Молдавскую армию»³⁶. На самом деле Кутузов, этим маневром занял фланговую позицию по отношению к Москве и дороге на Смоленск, которая в тот момент являлась главной артерией Великой армии.

Интуитивно Наполеон с самого начала русской кампании, возможно, чувствовал, что что-то идет не так. И когда вроде бы промежуточная цель оказалась достигнута, все его попытки вступить в переговоры о мире оказались безрезультатными, а личные послания к Александру I остались без ответа. Причем российскому императору пришлось в этом вопросе столкнуться с образовавшейся тогда «партией мира», к которой причисляли и его близких родственников – великого князя Константина и императрицу Марию Федоровну³⁷. Безусловно, сдача Москвы ударила по авторитету и самого монарха и он вынужден был успокаивать свою сестру Екатерину Павловну. 6(18) сентября 1812 г. из Ярославля она отправила довольно резкое письмо Александру I о критическом отношении части общества по отношению к самому императору и результатам проводимой им политики. Екатерина Павловна писала в несколько панических и резких тонах: «Занятие Москвы французами переполнило меру отчаяния в умах, неудовольствие распространено в высшей степени, и вас самих отнюдь не щадят в порицаниях... Вас обвиняют громко в несчастиях вашей империи, в разорении общем и частном, словом в утрате чести страны и вашей собственной. И не какая-нибудь группа лиц, но все единодушно вас хулят... Я предоставляю вам самому судить о положении вещей в стране, где презирают своего вождя. Ради спасения чести можно отважиться на все что угодно, но при всем стремлении пожертвовать всем ради своей родины возникает вопрос: куда же нас вели, когда все разгромлено и осквернено из-за глупости наших вождей?»

Александр I явно был задет за живое и отвечал в объемном послании, в котором высказал трезвый взгляд на положение дел в России в тот момент³⁸. Несмотря на оказываемое с разных сторон давление родственников и самых различных партий в своем окружении российский монарх не свернул с пути и продолжал четко и последовательно выдерживать выбранный перед войной курс.

Здесь в данном случае поразителен другой факт. В конце августа, когда русские войска подошли к Москве, в Петербурге в окружении Александра I был составлен план на второй период войны. Вот что написал в момент окончания выработки нового плана император адмиралу П.В. Чичагову, давая критическую оценку военным действиям до конца августа 1812 г. и делая вывод, который очень важен для нашей темы: «Несмотря на все только что перечисленные мною вам обстоятельства и нисколько не считая положение наших дел плохим, несмотря на то, что Наполеон находится в сердце России, я усматриваю именно в этом выгодные для нас шансы, могущие заставить его раскаяться в том способе действий, на который он отважился»³⁹. План этот известен исследователям под названием Петербургского. Автор письма еще не знал тогда о сдаче Москвы, но уже написал Чичагову, что направил к Кутузову, а затем к нему, полковника А.И. Чернышева с новым планом войны (был составлен в самом конце августа, так как 31 августа был отправлен Кутузову из Петербурга). Здесь важно отметить другое обстоятельство. Предложенный Александром I в конце августа план окончательного разгрома войск Наполеона в России (как бы его не критиковали советские историки) основывался, сохранял преемственность (по многим элементам) и логически вытекал из стратегической концепции борьбы с французской империей, концепции «истощения» сил противника, разработанной и принятой к исполнению русским командованием еще перед началом войны. Сдача Москвы не отменила принятую перед войной стратегию, практически не повлияла и не помешала ее претворению в жизнь, что доказали последовавшие события.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. VI. Ч. 1. М., 1954. С. 158–159,

² Там же. С. 185.

³ Там же. С. 176., 183, 190.

⁴ *Тотфалушин В.П.* М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года. Саратов, 1991. С. 102.

⁵ М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. VI. Ч. 1. С. 220–221; Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 187–188. Автором документа предположительно являлся К.Ф. Толь.

⁶ См.: *Сапожников А.И.* Граф Матвей Иванович Платов. Опыт научной биографии. Дис. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 1995. С. 121.

⁷ По словам адъютанта Кутузова А.Б. Голицына В.С. Ланской был приглашен в качестве генерал-интенданта только после окончания военного совета (См.: Записка о войне 1812 года князя А.Б. Голицына // *Военский К. Исторические очерки и статьи, относящиеся к 1812 году*. М., 2011. С. 194).

⁸ *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий 1812 года. М., 2012. С. 36–37.

⁹ Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина // *Русская старина*. 1889. № 12. С. 717.

¹⁰ Отечественная война 1812 года. Материалы Военно-ученого архива. Т. XVIII. СПб., 1911. С. 242–245.

¹¹ *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. Киев. 1912. С. 79; Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. Т. XVIII. С. 242.

¹² *Левенитерн В.И.* Записки 1790–1815. М., 2018. С. 241.

¹³ Записки А.П. Ермолова 1798–1826. М., 1991. С. 203.

¹⁴ Там же. С. 200–203.

¹⁵ *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий 1812 года. С. 37.

¹⁶ *Беннигсен Л.Л.* Письма о войне 1812 г. С. 80–81.

¹⁷ См. подр.: *Смирнов А.А.* «Я-Солдат»: Хроника жизни Александра Ивановича Остермана-Толстого. М., 2017. С. 79–82. Если верить участникам, он оказался единственным, кто задал Беннигсену вопрос: «Может ли он удостоверить в успехе?» (См.: Записки А.П. Ермолова. С. 205; Беннигсен Л.Л. Письма о войне 1812 г. С. 82; *Барклай де Толли М.Б.* Изображение военных действий 1812 года. С. 37–38).

¹⁸ Записки А.П. Ермолова. С. 204.

¹⁹ *Тотфалушин В.П.* М.Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года. С. 105.

²⁰ См.: Аналитический проект военных действий в 1812 гг. П.А. Чуйкевича // *Российский архив*. Т. VII. М., 1996. С. 41–57.

²¹ М.И. Кутузов. Т. IV. Ч. I. С. 221, 234.

²² Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. I. М., 1897. С. 95; М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. VI. Ч. 1. С. 233–234.

²³ М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. VI. Ч. 1. С. 253–254; Сборник исторических материалов извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 2. СПб., 1889. С. 18.

²⁴ М.И. Кутузов. Сб. документов. Т. VI. Ч. 1. С. 274–275.

²⁵ *Михайловский-Данилевский А.И.* Журнал 1813 года // 1812 год... Военные дневники. М., 1990. С. 314.

²⁶ Письма Д.С. Дохтурова к его супруге // *Русский архив*. 1874. № 5. Столб. 1098–1099.

²⁷ *Маевский С.И.* Мой век. 1793–1826. М., 2016. С. 33.

²⁸ Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина // Отечественная война 1812 года в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 90, 92–93; *Нарышкина Н.* 1812 год, граф Ростопчин и его время. СПб., 2016. С. 175–176.

²⁹ Письма генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли 1812–1815 гг. // Эпоха 1812 года: Исследования. Источники. Историография. Т. XI. М., 2013. С. 235–236.

³⁰ М.И. Кутузов. . Сб. документов. Т. VI. Ч. 2. М., 1955. С. 225.

³¹ *Клаузевиц К.* О войне. Т. 1. М., 1932. С. 37.

³² Там же. С. 166.

³³ *Михайловский-Данилевский А.И.* Два отрывка из истории 1812 года // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988. С. 501.

³⁴ *Полосин И.И.* Кутузов и пожар Москвы 1812 г. // Исторические записки. Т. 34. М., 1950. С. 146, 152–154, 158, 163.

³⁵ Письма Д.С. Дохтурова к его супруге // Русский архив. 1874. № 5. Стлб. 1099.

³⁶ Correspondance de Napoléon I-er. Т. 24. Р. 235.

³⁷ Среди высших сановников к «партии мира» современники причисляли канцлера Н.П. Румянцева, а иногда А.А. Аракчеева, А.Д. Балашева (см., напр.: *Надлер В.К.* Император Александр I и идея Священного союза. Т. 2. Рига, 1886. С. 38, 62).

³⁸ См. письмо Екатерины Павловны и ответ Александра I: *Николай Михайлович, вел. кн.* Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб. 1910. С. 83–84, 86–93.

³⁹ Письма Императора Александра I адмиралу Чичагову // Военно-исторический сборник. 1912. № 3. С. 210–211.